

Красный коллаборационизм: миф или реальность. Коллаборационизм и союзничество на примере Латвии

Red collaborationism: myth or reality. Collaborationism and alliance on the example of Latvia

Гафт Б.Г.

д-р социол. наук, Европейская академия естественных наук, Ганновер, член Бней-Брит
e-mail: gaft@inbox.lv

Gaft B.G.

Doctor of Social Sciences, European academy of natural sciences, Hannover, the member of B'nai B'rit
e-mail: gaft@inbox.lv

Аннотация

Тема коллаборационизма чрезвычайно остро стоит в странах Восточной Европы. В академической среде по-прежнему остро дискутируется вопрос о том, считать ли последовавшее сотрудничество с органами советской власти и особенно правоохранительными органами коллаборационизма. Задачей работы является оценка существующей терминологии «коллаборационизма» по соответствующим критериям, проводится анализ немецкой и советской оккупации, в том числе в Латвии, вводится новая типология, а также термин «союзничество» как форма сотрудничества во время Второй мировой войны.

Ключевые слова: коллаборационизм, коллаборация, красный коллаборационизм, нацизм, оккупация, союзничество, холокост.

Abstract

The issue of collaborationism is particularly pointed in Eastern European countries. In the academic environment the question of whether to consider the subsequent cooperation with the Soviet authorities and especially the law enforcement agencies to be collaborationism is still keenly debated. The goal of this article is the assessment of the existing terminology of “collaborationism” by the respective criteria. The article provides an analysis of the German and Soviet occupations, including in Latvia, introduces new typology and the term “alliance affiliation” as a form of cooperation during World War II.

Keywords: alliance affiliation, collaboration, collaborationism, holocaust, Nazism, red collaborationism, occupation.

1. Термины и типология

*«Пока мы воюем в Европе – война остается гражданской»
Наполеон Бонапарт*

По мнению исследователя Нормана Дейвиса, изучение термина «коллаборация» усложняют следующие факторы:

- 1) коллаборация может быть как индивидуальной, так и коллективной деятельностью;
- 2) коллаборация нередко принудительная деятельность, в нее вовлекаются, чтобы облегчить свое состояние;
- 3) если мы осуждаем коллаборацию, это необходимо делать во всех случаях в соответствии с этими же критериями [1, 378].

Существуют различные определения термина «коллаборация», тем не менее, самое распространенное из них следующее – «коллаборация является частью сотрудничества общества разгромленного государства с представителями власти победителя» [2, 396].

Термин произошёл от французского слова *collaboration* – соучастие, сотрудничество. Чаще всего возникновение термина связывают с сотрудничеством французов с оккупантами в оккупированной Пруссией Северной Франции в 1871–1873 гг.

Новую жизнь этому термину дал разгром Французской Республики во время Второй мировой войны, когда маршал Петен призвал французов сотрудничать с немецкими оккупантами. Коллаборация, уже как академический термин стал относиться и к сотрудничеству с нацистами и на других оккупированных территориях.

Часто этот термин трактуют как предательское сотрудничество с властью, чуждое этнической общине нации, несправедливо навязанной военным превосходством, симулируя или чувствуя к ней лояльность [3, с. 291]. Трактовка такого рода отражает тенденцию ставить знак равенства между государственными интересами и интересами этнической группы, что очень часто наблюдается в трудах многих латвийских авторов. Такая трактовка расширяет понимание коллаборации и позволяет использовать это понятие в самых широких хронологических рамках, относя её ко всем ситуациям, в которых выражаются проявления чужой, неугодной власти.

Исторические аналогии, зачастую сходные по форме и ситуации, но имеющие разное внутреннее наполнение трудно использовать для оценки коллаборации в Европе во время Второй мировой войны.

Правительство таких стран как Дания, Норвегия, Венгрия, Хорватия, Словакия, Нидерланды в свое время заключили договор о сотрудничестве с Германией. Таким образом, официальное сотрудничество с легитимной оккупационной властью трудно назвать коллаборацией. Характерно, что договора были заключены зачастую после оккупации этих стран Германией. Поэтому здесь уместно ввести термин «союзничество», то есть когда легитимная власть призывает к сотрудничеству с государством и / или народом.

Политическая стратегия, которую в современных реалиях оценивают как предательство национальных интересов, в историческом контексте показывает, что воплощающие эту стратегию зачастую руководствуются не симпатиями к оппортунизму или же идеологическими симпатиями к оккупантам, а из прагматических соображений – так, как они это понимают в соответствующей ситуации.

Это также нередко вызывает протесты против использования термина «коллаборация», «коллаборант», «коллаборационист», так как оно уже содержит в себе оценку вне исторического контекста и не учитывает мотивацию вовлечённых лиц в конкретной исторической ситуации. А ведь именно историческая оценка доказывает, что коллаборационизм всегда преступление против интересов своего государства и народа.

Типология коллаборации весьма различна. Существует очень часто используемый подход о секторальной классификации коллаборации. Многие авторы рассматривают политическую, военную, экономическую, культурную, повседневную коллаборацию, таким образом, учитывая практически любые действия, помогающие закреплению оккупационной власти.

Русский историк Игорь Ермолов выделил следующие формы коллаборационизма на оккупированной немцами территории России:

- 1) административный – участие в органах управления на оккупированных территориях;
- 2) экономический,
- 3) идеологический – разделение общих взглядов с оккупантами;
- 4) военный – участие с оружием на стороне своего государства / народа [4, с. 16–148].

Другой русский исследователь – Борис Ковалёв – использовал ещё более точное деление, добавив к данным видам коллаборационизма также:

- 5) национальный – к примеру, фольк-дойче, представители якобы немецкого народа, готовые сотрудничать с оккупантами в Судецкой области Чехословакии, в Польше и т.д.;
- 6) духовный – религиозный;

7) сексуальный – сожительство с представителями оккупантов часто ради необходимости прокормиться или получения других благ;

8) детский – использование несовершеннолетних в интересах оккупационных властей [5, с. 372].

Кроме того, весьма популярной темой исследований является также и культурная коллаборация [6, с. 9–19].

Следует отметить, что такого рода секторальный подход значительно облегчает усилия историков, так как позволяет максимально полно описать ситуацию в определённой сфере деятельности, однако этот подход не является хорошей основой для теоретической разработки концепта, так как принуждает к весьма широкой трактовке коллаборации. Это является нецелесообразным, так как косвенно способствует стремлениям переложить политическую ответственность за сотрудничество с враждебными властями на плечи всех жителей, не решив вопрос о политической ответственности.

Следует также отметить, что термин «коллаборационизм» используется в академической литературе для обозначения добровольного и преимущественно идеологически мотивированного служения в интересах оккупантов. Согласно исследованиям И. Ермолова и Б. Ковалёва, также в случае с Россией, это не всегда было так.

Польский историк Чеслав Мадайчик указал, что в трудах историков коллаборация обозначается как:

- 1) понятная;
- 2) партнёрская;
- 3) фасадообразная;
- 4) определённая;
- 5) тактическая или ограниченная;
- 6) преходящая или длительная [7, с. 145; 159–160].

Можно привести примеры и другого рода классификаций, однако следует подчеркнуть, что попытки создать классификацию коллаборации, которая бы полностью обозначила бы все нюансы сотрудничества, являются неудачными.

Американский политолог Стэнли Хоффман, рассматривая проблему коллаборационизма на примере Франции во время Второй мировой войны, предлагает различать коллаборацию и коллаборационизм [8, с. 376]. Он указывает, что **коллаборация** является сотрудничеством между разгромленным государством и победителем, и она основывается на государственных соображениях (*raison d'état*) – сохранить то, что ещё можно спасти – в случае с Францией, это были колонии, флоты, Вишистскую Францию. По государственным соображениям, коллаборация может быть добровольной или принудительной (то есть, под давлением обстоятельств).

В случае же **коллаборационизма**, речь идёт об открытом добровольном сотрудничестве с нацистским режимом и его имитировании. С. Хоффман выделяет:

1. Угодливый или услужливый (*servile*) коллаборационизм – добровольное служение оккупантам, которое, скорее всего, мотивирует личная выгода, а также тогда, если это обосновано национальными интересами;

2. Идеологический коллаборационизм – сотрудничество в силу привлекательности идеологического режима или же его политико-социального устройства [8, с. 375–95].

Некоторые латвийские авторы считают проблематичным разделение между коллаборацией и коллаборационизмом и таким, которое не прижилось на практике [3, с. 291]. Необходимо отметить, что это разделение используется при исследовании режима Виши во Франции, например, в книге Дж. Джексона, причём им предлагается пользоваться также при исследовании других случаев [9].

В понимании С. Хоффмана, разделение между коллаборацией и коллаборационизмом вовсе не означает подразделение на «хорошее» и «плохое» сотрудничество, так как речь идёт о различной мотивации. На практике нередко имеет место расплывчатая граница между двумя формами сотрудничества. «Плохие» коллаборационисты могут руководствоваться не

только идеологическими или корыстными соображениями, их также могут мотивировать патриотические соображения, и наоборот – изначально продиктованное патриотическими мотивами сотрудничество может привести к безусловному холопству перед оккупантами.

Таким образом, коллаборационизм включает в себя широкий спектр действий – служение интересам оккупационной власти, которое заключается также в преступлениях, в том числе убийствах, участии в экономической эксплуатации, идеологической поддержке, политическом сотрудничестве. Вместе с тем, С. Хоффман подчёркивает, что здесь речь идёт об идеальных типах, так как реальная форма сотрудничества была намного сложнее и разнообразнее [8, 375–395].

На примере Франции, как нового государства, фактически С. Хоффман описывает форму сотрудничества в виде союзничества.

2. Союзничество

*«Моя ошибка состоит в том,
что я не стер Пруссию с лица земли»
Наполеон Бонапарт*

История, реконструкция и интерпретация событий прошлого требует тщательного и бережного отношения к фактам. История – смысл настоящего, поэтому волюнтаризм здесь недопустим. Манипуляционная мифология нацизма (в меньшей степени фашизма) – это всегда отсыл к архаичным идеалам в прошлое. В свою очередь, коммунизм – это отсыл к мечте о будущей справедливой жизни.

Рассмотрев типологию понятия «коллаборационизм / коллаборация» мы убедились в достаточно широком использовании этих терминов и неоднозначности их применения.

Следует отметить, что этот термин используется для описания сложных и неоднозначных явлений во всех странах, подвергшихся оккупации во время Второй мировой войны. Некоторые исследователи пытаются использовать эти термины, описывая события, отстоящие как до Второй мировой войны, так и после нее.

Чтобы составить мнение о правомочности такого широкого применения, обратимся к историческому моменту возникновения термина «коллаборационизм» и тому, что он означал в то время.

Первая мировая война, именуемая в западной историографии как Великая война, несмотря на масштаб вовлеченности в нее большинства стран мира, была войной старого типа, шла борьба за ресурсы, рынки сбыта и перераспределение территорий. Промышленная революция требовала для поддержания темпов развития разрушения феодальных империй. Объективно, вне зависимости от того, в какой союз государства-союзники входили, с карты мира исчезли Австро-Венгерская, Германская, Оттоманская и Русская империи. Германия потерпела сокрушительное поражение, которое усугубилось тяжелейшими условиями Версальского договора.

Впервые США стал полноправным участником в европейской войне, причем их вклад определил победу союзников. Призрак коммунизма, бродивший по Европе в XIX в., в начале XX стал материализовываться, и уже в 1917 г. в России произошел большевистский переворот.

В 1922 г. в Италии к власти пришли фашисты Муссолини, а в 1933 г. в результате демократического волеизъявления немецкого народа к власти в Германии пришла Национал-социалистическая рабочая партия во главе с Гитлером. Лига наций, созданная после Первой мировой войны, как орган коллективной безопасности, не справился со своей задачей. Заражение вирулентной социалистической идеологией в диапазоне от большевистского коммунизма до национал-социализма было в Европе повсеместно.

Таким образом, социалистическая идеология покрывает весь временной интервал человеческого сознания. От декорированного прошлого до неизвестного, но счастливого будущего. Вторая мировая война, начало которой принято считать 1 сентября 1939 г. с нападения Германии на Польшу, была вызвана внутривидовой идеологической борьбой за право на мировое господство как единственно правильной теорией и практикой выживания

человечества. А так как социализм развивается экстенсивно, то война в Европе была неизбежна.

9 мая 1940 г. Германия напала на Голландию, Бельгию и Люксембург, разгромив французскую армию без тяжелых боев и с незначительными людскими и материальными потерями, немцы оккупировали север страны и уже в начале июня подошли к Парижу.

Французы решили капитулировать. Французское правительство возглавил маршал Анри Филип Петен, герой Первой мировой войны, прозванный во Франции Верденским победителем, подписал с Германией акт о капитуляции. Маршал А. Петен в своем радиообращении к французам призвал их сотрудничать с немецкими оккупантами. Так и родился термин «коллаборация» – из уст маршала Петена.

Правительство Франции перебралось в курортный город Виши, и в историографии их называют «режимом Виши». Рассмотрим подробнее, что же такое режим Виши, без принятых штампов, навязанных в послевоенные годы.

Французский историк Анри Руссо пишет, что во Франции защита национальной территории всегда была борьбой за миропонимание. Франция оставалась великой державой даже в поражении, с численностью населения в Европе 40 млн чел. и 65 млн чел. в заморских владениях.

Режим Виши обладал всеми атрибутами государства:

- 1) правительство контролировало территории в Европе и все имперские территории;
- 2) новая Франция имела армию, флот и внутренние войска, так называемая «милиция»;
- 3) флаг – французский триколор, герб и гимн со словами «французы – поднимите голову, давайте смотреть в будущее!», «сохраним уверенность в нашей новой судьбе, ведь Петэн – это Франция, а Франция – это Петэн»;

- 4) правительство Виши было признано большинством стран мира, включая США и СССР, и с ним были установлены полные дипломатические отношения. США расторгли дипотношения только в ноябре 1942 г. после начала операции «Факел» по освобождению Северной Африки от итало-немецких войск. Канада же сохранила консульские отношения до 1944 г., т.е. до полного освобождения Франции.

История сотрудничества и совместной борьбы французов против союзных наций – большая, и продолжалась вплоть до мая 1945 г. То, что в современной исторической науке принято называть Режимом Виши, было по существу французским союзным государством нацистской Германии, таким же, как Венгрия, Румыния и вновь появившимися Словакией и Хорватией. В то же время харизматичный лидер Сопротивления, а затем президент Шарль де Голль утверждал, что французское Сопротивление играло одну из ключевых ролей в поражении нацистской Германии в Европе [10, с. 88; 31].

Таким образом, сотрудничество-коллаборационизм было отнесено на относительно небольшую часть французов. В основном на руководство, на тех, кто совершал военные преступления, солдат дивизии СС Шарлемань и особенное негодование вызывали женщины, сожительствующие с немцами.

Глорификация Сопротивления и его вклад в победу над Германией стал нормативным в сознании французов. Феномен кажется не только конъюнктурным, но и психологически необходимым для сохранения здоровья народа.

Де Голль создал миф о массовости движения Сопротивления (с 1942 г. «Сражающаяся Франция»). Это обеспечило Франции место среди держав-победительниц, а впоследствии место среди великих держав – учредителей ООН, и постоянное место в Совете Безопасности наряду с США, СССР, Великобританией и Китаем с правом вето.

Политическая конъюнктура не только заставила союзников проигнорировать фактическое союзничество Франции с нацистской Германией. Победители делили Европу. В странах, оказавшихся в советской зоне, устанавливались коммунистические режимы. Согласно догматичной идеологии коммунистов, народные массы всегда прогрессивные. Это спасло союзников Германии от статуса проигравших стран.

Президент США Ф. Рузвельт планировал Совет Безопасности ООН, состоящий из четырех постоянных членов великих держав – США, СССР, Великобритании и Китая. И только категорическое требование Сталина предоставить членство в ООН Украинской ССР и Белорусской ССР подвинуло Рузвельта для равновесия ввести в Совбез Францию [11, с. 138; 189; 160].

Советский Союз, насаждая «народные демократии», представил государства – союзники Германии жертвами оккупации и антинародных режимов. Особенно это парадоксально проявилось в создании Германской Демократической Республики на территории советской оккупационной зоны Германии. Количество коллаборационистов свелось фактически к участникам военизированных формирований и военных преступников.

Стенли Хоффман, создав свою классификацию коллаборации, опирался на пример Франции, на созданном харизматичным Шарлем де Голлем манипуляционном мифе. Согласно этой трактовке событий 1940–1944 гг. маршал А. Петен – это предатель, а его призыв сотрудничать с оккупантами нелегитимный. Французы в своей массе не сотрудничали с оккупантами, тем более, добровольно. А фактически речь идет о союзном государстве с нацистскими режимами – Францией и Германией.

Введенный С. Хоффманом в научный оборот термин «коллаборация» не описывает реальных событий и является неверным, так как описывает по сути национальное союзничество, наблюдаемое на территориях оккупированных территорий во время Второй мировой войны.

Волонтаристское внесение в мемориальное пространство терминов, не описывающих в полной мере реальные события, существенно искажают реконструкцию исторических событий. И в этой связи необходима тщательная верификация самого понятия «коллаборация».

Все введенные русским историком Б.Ковалевым виды коллаборационизма наблюдались на территории оккупированной части СССР, по своей сути являясь предательством [5, с. 372]. И если во Франции, Центральной Европе и России термин «коллаборационизм» стал основным в общественном и научном обороте, то, к примеру, в Северной Европе имя норвежского главы правительства во время оккупации Видкуда Квислинга стало нарицательным для предателя.

Б. Ковалев отмечает, что в таких странах, где практически не было сопротивления оккупантам, а наоборот, сотрудничество переходило в союзнические отношения, например, Голландия, Норвегия, преследование коллаборационистов было очень активным: от смертной казни до платных объявлений в газетах примерно с таким текстом: «Я, такой-то, вел себя недостаточно патриотично, раскаиваюсь, обещаю больше так не делать» [5, с. 372].

Сегодня общепринятым является определение коллаборационизма в юридической трактовке международного права как «осознанное, добровольно и умышленное сотрудничество с врагом в его интересах и в ущерб своему государству».

Несмотря на всю тщательность исследований, находясь в дуальной парадигме «государство-оккупант» и «государство-жертва агрессии», не удается адекватно описать эти сложные и далеко неоднозначные исторические процессы. С. Хоффман введением новой терминологии «коллаборация» пытается прояснить, что такое коллаборационизм и его формы. Но процессы лежат за пределами государственности как таковой. Поэтому с его мнением многие исследователи не согласны. Сама по себе коллаборация ничего не объясняет, и этот термин, по мнению автора данной работы, излишний.

Право народов на самоопределение, было провозглашено и реализовано в результате Первой мировой войны. Национальные государства столкнулись с новым вызовом – социальным. Еще не успели смолкнуть пушки мировой войны, а Европа была охвачена революциями и гражданскими войнами. Государственность как институт требовалось наполнить новым социальным содержанием.

Привычное рассмотрение событий Второй мировой войны в парадигме «оккупация и сопротивление» является неверным. За исключением Великобритании на всей территории

Европы шла гражданская война с ориентацией на немецкий национал-социализм, англосаксонскую демократию и советский коммунизм.

К началу Второй мировой войны Европе были предложены следующие модели мироустройства:

- 1) демократическая (англосаксонская);
- 2) национал-социалистическая;
- 3) советская большевистская.

Советский социализм был надгосударственным, мировым, поэтому он был необыкновенно привлекателен, потому что нес в себе понятие справедливости и защиту от произвола. Коммунистическая партия, как носитель идеологии справедливости была важнее государственных институтов. Фашизм можно считать частным случаем советского социализма. Не выдержав экономической конкуренции, советский надгосударственный социализм, в конце концов, сошел на нет и самораспустился в декабре 1991 г.

Германский национал-социализм, то есть социализм для «полноценных арийских» народов был обречен на конфронтацию, агрессию и поражение.

Принадлежность к той или иной идеологии оказалась не меньшей ценностью, чем национальные государства. Граждане оккупированных стран стояли перед выбором – кому стать союзником. Основное разделение проходило именно в идеологическом противостоянии, в выборе системы ценностей. К примеру, латыши и эстонцы после оккупации их республик немцами, в своем большинстве поддерживали идею национал-социализма и добровольно стали союзниками нацистов. Они были признаны нацистами арийскими народами, их полицейские батальоны, а затем и дивизии СС (латвийская и эстонская) стали частью вооруженных сил гитлеровской Германии.

В то же самое время в Литве не удалось создать эсэсовские подразделения. По сути, в Литве продолжалась гражданская война, которая началась еще в 1918 г. между националистами, искавшими поддержку у Германии и той частью населения, которые видели будущую Литву в составе СССР. Вместе с тем следует отметить, что литовские националисты идеологически были ближе германскому национал-социализму и поэтому принимали активное участие в Холокосте.

Европа во время Второй мировой войны была фрагментарно разделена. Гитлеровская Германия имела гораздо больше союзников, чем принято считать. Военные преступники были и в других странах. В Ваффен-СС вступил и воевал на фронте миллион человек из 15 стран. Среди 125 тыс. западноевропейских добровольцев были и авантюристы, и деклассированные маргиналы, и убежденные фашисты. Среди 22 тыс. голландских волонтеров 30% пришли из радикально правых партий, много солдат удачи было из рабочих. Еще больше коллаборационистов обнаружилось в Восточной Европе – полмиллиона украинцев, белоруссов и прибалтов, 70 тыс. казаков, 110 тыс. представителей тюркоязычных народов, 35 тыс. татар, 20 тыс. боснийских мусульман [12, с. 155-160; 196-206]. Поэтому их можно оценивать как народы-союзники.

Но и внутри союзников существовала конкуренция. Англичане пытались склонить на свою сторону коммуниста Осипа Броз Тито, руководителя партизанской югославской армии, являющейся доминирующей силой сопротивления оккупации Югославии. Более удачно для американо-английских союзников прошла переориентация войск вишистского режима. Шарлю де Голлю удалось удержать сопротивление, сориентированное на Запад, хотя левые и коммунисты составляли большинство в Сопротивлении.

Таким образом, можно выделить два типа союзничества:

- 1) государственное союзничество – заключение между государствами союзов на основе общих интересов;
- 2) народное союзничество – граждане дают предпочтение той или иной идеологии, разделяя ее основные ценности.

3. Исследования коллаборационизма в Латвии

В латвийском мемориальном пространстве актуальны темы двух оккупаций – советской и немецкой. Большинство историков определяют необходимую компульсивность латышей как способ выживания нации. Рассматривая коллаборационизм во Франции, мы убедились, что этот термин не является трафаретным.

Например, в Польше коллаборационизм – это предательство без всяких возможных оправданий, кроме тех случаев, когда это была просто жизнь под оккупацией. Польское правительство в изгнании руководило сопротивлением, координируя действия Армии Краевы, а также десятками тысяч польских солдат, которые сражались с нацистскими оккупантами их родины от севера Норвегии до Африки.

В Польше активно боролась с оккупантами, подчиняющаяся Москве Армия Людова. Армия генерала Андерсена, собранная из поляков в Советском Союзе, была отправлена на театр военных действий на Ближнем Востоке.

В рядах Советской армии сражался польский корпус имени Тадеуша Костюшки. Тем не менее, в Польше наблюдался коллаборационизм всех видов, от военного (так называемая «Синяя полиция») до сексуального.

В странах Прибалтики, которые пережили в течение одного года две оккупации, использование определения «коллаборационизм», как предательство интересов государства, латышские исследователи зачастую используют синоним «интересы латышского народа».

В историографии Латвии проблема коллаборационизма делится на две части:

- 1) коллаборационизм в период нацистской оккупации Гитлеровской Германией;
- 2) коллаборационизм в период нахождения Латвии в составе СССР.

В 2007 г. в Риге проходила конференция «Оккупация, коллаборация, сопротивление: история и восприятие истории». Многие исследователи в ходе работы конференции пытались связать и даже уравнивать по уровню ущерба немецкую и советскую оккупации. Эта проблема исследуется целым рядом латвийских историков – Андриевса Эзергайлса, Карлиса Кангарса, Антония Зунды, Инесы Дреймане и др. [13].

К. Кангарис и А. Зунда предложили концепцию, отвергающую представление о сотрудничающих с нацистами латышах, как о добровольно коллаборативном народе. По мнению К. Кангариса, необходимо выяснить причины событий и индивидуальные мотивы поступков, а также необходимо охарактеризовать преобладающее в это время этику, нормы и правовую систему общества [14, с. 80].

Его поддерживает А. Зунда, указывая, что оцениваемые процессы нельзя отделить от рассматриваемого контекста времени и в Латвии, по сравнению с другими оккупированными западноевропейскими государствами существовало большое различие между предательством добровольным, полным, безусловным сотрудничеством и тактической, в том числе принудительной, коллаборацией [7, с. 159–160].

И. Фелдманис в своих публикациях идет еще дальше. Он считает, что само использование термина «коллаборация» в отношении Латвии проблематично, так как понятие коллаборация не всегда применимо и не соответствует для характеристики деятельности местных жителей в государствах, которые пережили несколько оккупаций [15, с. 63].

Он подчеркивает, что после включения Латвии в состав СССР прошло не так много времени, сталинский режим уже проявил свою жестокость, чтобы латыши проявляли лояльность к Советской власти. Термин «коллаборация», по его мнению, можно использовать только против тех групп населения, которые направлены против Латвийской Республики.

Это не выдерживает критики по следующим причинам. Во-первых, фактически Латвийская Республика с 1940 г. не существовала, так как была провозглашена Латвийская ССР, вошедшая в состав СССР. Во-вторых, в годы немецкой национал-социалистической оккупации о восстановлении независимой Латвийской Республики не было и речи. Латвия наряду с Эстонией, Литвой и Белоруссией была включена в генерал-губернаторство Остланд.

Тем не менее, И. Фелдманис настаивает, что коллаборация возможна лишь в отношении Латвийской Республики или против интересов латышского народа и предлагает ввести термин **«тактическая коллаборация»** для обозначения сотрудничества с немецкой оккупационной властью, цели которой так или иначе соответствовали интересам латышского народа. За этим следует более чем спорное предложение считать тактическую коллаборацию определенной формой движения сопротивления [15, с. 64].

Следует отметить, что такое политически ангажированное мнение редуцирует массовое сотрудничество населения Латвии с немецкими оккупантами, оставляя коллаборационистами только тех латышей (фактически криминальных преступников), которые помогли немцам осуществлять Холокост.

И. Фелдманис считает коллаборацию простым сотрудничеством с оккупационной властью, от которой не может избавиться ни один оккупированный народ, а коллаборационизм – это предательское сотрудничество, противоречащее интересам соответствующего народа [16].

Тем не менее, многие латвийские историки считают, что термин «коллаборация» не добавляет понимания и не вносит концептуально ничего нового к уже принятому понятию «коллаборационизм», ставя, таким образом, под сомнение саму необходимость исследовать коллаборацию как явление.

В историографии все больше уделяется внимания периоду советской оккупации и полувековому нахождению Латвии в составе СССР. Следуя за общественным дискурсом, проводится сравнение двух режимов – Гитлеровского и Сталинского, и растущие попытки оправдать коллаборационизм во время немецкой оккупации.

Преступления коммунистического режима выпячиваются, а массовое сотрудничество с немецкими оккупантами оправдывается меньшим злом для латышского народа. Актуальность приобретают исследования советского периода и границей применимости терминов «коллаборационизм» от отделяющих «конформизм».

Если придерживаться официального мнения латвийских исследователей о том, что во время Второй мировой войны латышские дивизии легиона Ваффен-СС сражались за независимость уже не существующей на тот момент Латвийской Республики, это ставит Латвию в один ряд со странами ОСИ – Германия, Италия, Япония. В таком случае Латвия должна была пройти денацификацию и возместить ущерб, нанесенный латышскими эсесовцами в областях Западной Белоруссии Польской Республике, за активное участие в подавлении восстания в Варшавском гетто в 1943 г., за разрушения и убийства поляков в 1944 г. во время Варшавского восстания, а также народам Украины за кровавые карательные экспедиции, направленные против народов этой страны.

4. «Красный коллаборационизм»

В Латвийской ССР практически отсутствовало диссидентское движение. И это при том, что Рига была ведущим центром еврейского возрождения.

12 апреля 2016 г. Центр иудаики Латвийского университета, в сотрудничестве с Институтом философии и социологии Латвийского университета, музеем «Евреи в Латвии» и мемориалом Жаниса Липке провел дискуссию «Оппозиция советскому режиму в Латвии в 1960-1980 годах: проблемы и малоизвестные факты», участие в которой принял и автор данной работы. При всем старании латышских историков кроме Гунара Астры никого из диссидентов участникам дискуссии вспомнить не удалось. В конце концов «сопротивление» было обнаружено в социальном нигилизме, дескать, члены КПСС не верили в победу социалистического строя.

Примечательно, что Рижская дума в своем ответе на предложение назвать одну из улиц столицы Латвии именем Юриса Зиемелиса указала, что не располагает информацией о широкой известности и выдающемся значении упомянутого лица в истории Риги и Латвии. Для справки можно перечислить всех латышских диссидентов: Гунар Астра – получил 15 лет за встречу с дипломатами США. Он вместе с Юрисом Зиемелисом и Интсом Цилитисом в

1979 г. подписали меморандум, осуждающий пакт Молотова-Риббентропа, за что были подвергнуты репрессиям.

Характерно, что упомянутая организация «Ястребы Даугавы» также не поддерживает контакт и не имеет ничего общего с диссидентами, в частности, Ю. Зиемелисом. Это можно объяснить тем, что истинные диссиденты преследовали иные цели. В отличие от идеологических диссидентов для «Ястребов Даугавы» главной задачей является реваншизм.

Существует компромиссное мнение (преподносится как наиболее взвешенное), что те, кто в послевоенные годы сопротивлялся советскому режиму, спасли государственность Латвии в той же степени, что и те, кто сотрудничал с режимом Сталина. Первые и вторые, дополняя друг друга, добились того, что не была уничтожена государственная структура, что латышский народ не был разбросан по просторам России, что природные богатства Латвии не были вычерпаны до дна, и что правящий режим в Латвии в то время был в основном либеральнее и мягче, чем на остальной части СССР. Стратегия выживания в Латвии в советское время была такова: продемонстрировать сопротивление, не переходящее в массовые беспорядки.

Государственность Латвии и латышскость спасли выбор обеих групп и их действия. И это главная основа для примирения между теми, кто в то время был на противоположных сторонах [17, с. 743].

В этом утверждении все не соответствует действительности. Это тем более не позволительно, так как еще живы свидетели немецкой оккупации. А в Советской Латвии родилось большинство жителей страны, включая и авторов этой сентенции.

В ЛССР никогда не было никакого сопротивления режиму. Наоборот, Латвия была витриной успехов социализма. За латышами всегда было закреплено место в ЦК КПСС и его Политбюро. Даже в последнем Политбюро был латыш, министр внутренних дел СССР Борис Пуго. Выделялись огромные средства для поддержания культуры, за потенциально способными студентами были закреплены места в лучших ВУЗах страны. Латвия, не имеющая природных ресурсов, за годы советской власти была превращена в индустриальный и научный центр.

Латыши, как одни из участников Всемирной революции и установления большевистского режима, в советское время были максимально вовлечены во все советские элиты: партийные, государственные, научные, культурные и, конечно, в органах КГБ. Судьи, находясь в правящих элитах, выносили приговоры, руководствуясь «социалистической законностью».

Даже Народный фронт Латвии, по свидетельству политолога Илзе Островской был инициирован Москвой, а его Устав был создан по распоряжению Горбачева. По крайней мере, первый устав этой организации был создан по приказу генсекретаря ЦК КПСС М. Горбачева [18].

Политолог также утверждает, что возвращение независимости Латвии может быть связано с секретными документами Потсдамской конференции, на которой был закреплен раздел Европы после Второй мировой войны, так как в публичном пространстве время от времени возникают намеки на то, что в секретных документах Потсдамской конференции был договор о том, что страны Балтии и Кенигсберг отдаются под административное управление СССР – балтийские страны на 45 лет, Кенигсберг и округ – на 50 лет. Черчилль был категорически против, но он проиграл на выборах, и его слова потеряли силу. Ровно через 45 лет, 4 мая 1990 г., все и произошло: Латвия приняла декларацию независимости.

Автор данной работы лично слышал эту версию от замминистра финансов РСФСР весной 1990 г. Якобы на заседании Политбюро ЦК КПСС Александр Яковлев заявил: «Решено, мы отказываемся от Литвы, за исключением города-порта Клайпеда».

Передача административного управления в другие руки прошла относительно мирно и была названа Песенной революцией, в результате которой в элитах Латвийской Республики, впрочем, как и в других государствах, образовавшихся на развалинах СССР, осталось большое количество партийных и советских руководителей, комсомольских «вожаков» (термин из общего социалистического прошлого – фюрер, дуче, вождь советского народа

тов. Сталин). Эти люди быстро и легко умеют перестраиваться от предвыборного лозунга: «За ленинскую национальную политику!» до «Латвия для латышей!». От руководителя ЦК КП Латвии до спикера Сейма. От преподавателя научного коммунизма до евродепутата-антикоммуниста.

Для оздоровления общественного климата и утверждения демократических принципов необходимо было провести широкую люстрацию, чтобы не допустить к власти партийную номенклатуру.

Перестройка – революция сверху, была проведена под руководством Компартии и ее генсекретаря М. Горбачева, а на местах поддержана первыми секретарями республиканских Компартий.

Так был ли в Латвии в советское время коллаборационизм, назовем его «красный коллаборационизм»? Он был невозможен, это катахреза, оксюморон. Нельзя изменять себе с самим собой. Латыши руководили своей республикой – Советской Латвией и были активными и высокопоставленными руководителями в СССР. Они одни из создателей советской власти, создатели великой Советской империи. Несогласные с советской властью, как правило, участники преступлений или молчаливые свидетели бежали с немцами на Запад, многие из них скрывали свои преступления. Их охотно принимали арабские социалисты в Египте и Сирии, сочувствующая нацистам Бразилия и Аргентина. Некоторых из них даже там настигало справедливое наказание. Так, палача Даугавпилского гетто Г. Цукурса нашли в Бразилии и казнили.

Характерно, что вся реформа советского строя вплоть до роспуска СССР была задумана и осуществлена партийными руководителями страны и первыми секретарями союзных республик. Не случайно после развала Советского Союза и образования новых независимых государств в их руководстве стались прежние коммунистические лидеры. Поэтому осуществить люстрацию в созданных независимых республиках было невозможно.

Заключение

1. Термин коллаборационизм по отношению к событиям Второй мировой войны является эвфемизмом предательству своей страны или своего народа. Причем коллаборационизм с немецким национал-социализмом – это всегда фундаментальный антисемитизм и участие в Холокосте.

2. Сопrotивление немецкой оккупации в Латвии и Эстонии было незначительное, инспирированное командованием Красной армии. Немецкие оккупанты чувствовали себя в дружественной стране в глубоком тылу.

3. Национальное движение в Литве и Западной Украине, используя конфронтацию между Германией и СССР, тактически сотрудничали с одной и другой стороной. Но идеологически они были союзниками с немецкими оккупантами, доказательством чему является Холокост и Волынская резня.

4. Союзничество может быть между государствами, но так как не каждый народ имеет государственную структуру, может быть и национальным (страны Прибалтики, Западная Украина). Таким образом, можно определить следующие виды союзничества:

1) государственное союзничество – заключение между государствами союзов на основе общих интересов;

2) народное союзничество – граждане дают предпочтение той или иной идеологии, разделяя ее основные ценности.

5. В Латвии есть следующие признаки союзничества:

1) массовое участие в Холокосте, убийства евреев начались еще до прихода немцев в Ригу;

2) самое крупное по численности вооруженное формирование Ваффен-СС – 16 и 19 дивизии общей численностью до 150 тыс. чел. Массовое участие в Холокосте;

3) сопротивление немецкой оккупации незначительное, инспирированное командованием Красной армии.

6. В Латвии уничтожено 90% еврейского населения. И если для немцев это было идеологически обусловленная, во многом трансцендентная задача, то для латышей убийство соседей-евреев было экономически выгодно, так как они разграбили еврейское имущество. Характерно, что проблема реституции в Латвии до сих пор не решена.

7. Если латышский легион Ваффен-СС боролся за независимость Латвийской Республики, то Латвия, как страна ОСИ, должна была пройти денацификацию и возместить весь ущерб, нанесенный латышскими эсесовцами.

8. Организация «Ястребы Даугавы» не имеет ничего общего с истинными диссидентами, так как их цели разные – «Ястребы», в отличие от диссидентов, занимаются реваншизмом.

9. Приравнивание Гитлеровского и Сталинского режимов приводит к тривиализации Холокоста.

10. Красный коллаборационизм не существует.

11. Проблема коллаборационизма требует глубокого изучения в области социальной психологии, для выявления феномена быстрой и массовой переориентации – от одной идеологии к другой, от национальной к религиозной, зачастую исторически чуждой.

Литература

1. Davies N. Europe at War. 1939–1945: No simple victory. - Basingstoke and Oxford: Macmillan. 2006. - P.378.
2. Armstrong John A. Collaborationism in World War II: The Integral National Variant in Eastern Europe. The Journal of Modern History, 40 (3). 1968. - P.396.
3. Lasmane S., Bērziņš D. Pakļaušanās parādums un pretošanās. Из: Vilis Lācis. Ceļojums uz Notrieta pilsētu. – Rīga: Divpadsmit. 2014. - P.291.
4. Ермолов И.Г. Под знаменами Гитлера. Советские граждане в союзе с нацистами на оккупированных территориях РСФСР в 1941—1944 гг. – Москва: Вече, 2013. – С. 16–148.
5. Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. - Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого. 2009. – С. 372.
6. Randjārv Laine. Intellectual Occupation and Collaboracionism in the Cultural Life of Estonia: Reflected in the Epistolary Communication between Tuudur Vettikand Roland Laasmae [Электронный ресурс] // TRAMES, 17 (67/62), 2013. - P.9-19. URL: www.eap.ee/public/trames_pdf/2013/issue_1/Trames-2013-1-3-34.pdf
7. Zunda A. Kolaborācija vācu okupētajā Lāvijā: nostādnes vēstures literatūrā. Из: Okupācijas režīmi Latvijā 1940.-1956.gadā. Latvijas vēsturnieku komisijas 2001.gada pētījumi. 2.izdevums. – Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds. 2007. - P.145; 159-160
8. Hoffmann S. Collaborationism in France during World War II. // The Journal of Modern History. Vol. 40, No. 3. 1968. - P.375-395.
9. Jakson J. Inroducion: Historians and the Occupation. In: The Dark Years 1940-1944. - Oxford, etc.: Oxford University Press, Kindle edition. 2003.
10. Молчанов Н. Генерал де Голль. – Москва: Международные отношения. 1973. - С.88; 131.
11. Громыко А.А. Переписка председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. – Москва: Политическая литература. 1958. - С.138, 189, 190.
12. Reitlinger G. The SS: Alibi of a Nation 1922-1945. - New York: Viking Press. 1968. - P. 155-160; 196-206.
13. Okupācija, kolaborācija, pretošanās: vēsture un vēstures uztvere. Starptautiskās konferences materiāli, 2009. gada 27.-28. oktobrī Rīgā. Rīga, Latvijas Okupācijas muzeja biedrība. 2010.
14. Kangeris K. Izvēles iespējas: “Jaunā Eiropa”, padomju republika vai neatkarīga valsts. Valsttiesiskie jautājumi un “Lielā politika” kara gados (1941-1945). Из: Latvija Otrajā pasaules karā. Starptautiskās konferences materiāli, 1999.gada 14.-15.jūnijs. – Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2.izdevums. 2007. - P.80.

15. Feldmanis I. Latvija Otrajā pasaules karā (1939-1945): jauns konceptuāls skatījums. – Rīga: LU Akadēmiskais apgāds. 2012. - P.63; 64.
16. *Островска И.* Первый вариант устава Народного фронта был создан по распоряжению Горбачева [Электронный ресурс] // Интернет-портал FREECITY. 19.09.2016. URL: <http://www.freecity.lv/istorija-bez-kupjur/36001/> (дата обращения 01.09.2018.)
17. *Урбанович Я., Юргенс И., Пайдерс Ю.* Черновики будущего. Латвия 1948-1955.-Рига: Балтийский Форум. 2013. – С. 743.
18. *Фелдманис И.* Народ не может обойтись без мифологизации истории (In Latv.), [Электронный ресурс] // Неделя, Интернет-портал TVNET. 30.10.2006. URL: http://www.tvnet.lv/zinas/viedokli/293868-tauta_nevar_iztikt_bez_mitologizetas_vestures (дата обращения 01.09.2018.)